LUCRETIANA

(Проблемы изучения Лукреция)

Известно, какое значение имеет для нас изучение истории античного материализма. Недаром в 1945—1946 гг. советская научная общественность во главе с Академией Наук откликнулась на редкую памятную дату — двухтысячелетие со времени смерти римского поэта-философа Лукреция. Между тем ряд проблем, связанных с изучением знаменитой поэмы «О природе вещей», до сих пор остается не вполне разрешенным. Правда, в статьях второго тома академического издания Лукреция (1947 г.) с разных точек зрения анализируется поэма Лукреция: рассматривается эпоха ее появления, источники поэмы, мировоззрение Лукреция, его поэтическое мастерство, мифологические образы, физика, биология у Лукреция. Однако, не говоря уже о порочной статье проф. Лурье (справедливо раскритикованной в № 4 ВДИ за 1948 г.), в этих статьях далеко недостаточно освещен существенный вопрос, без исчерпывающего разрешения которого невозможно научное понимание поэмы,— вопрос об историческом месте Лукреция в развитии античной и особенно римской философии и литературы, о поэме Лукреция как звене в развитии античной философии и литературы. Ведь только в зависимости от разрешения этого вопроса вполне выяснится актуальная в настоящее время проблема о самобытности творчества римского поэта, об оригинальности его философской мысли и поэтического мастерства.

Прежде всего возникает вопрос: какое место занимала материалистическая философия Лукреция и вообще эпикуреизм в борьбе античного материализма и идеализма, борьбе линии Демокрита и Платона? Ведь без уяснения этой связи мы не можем изучать ни одну античную философскую систему [1]. В указанной выше книге развернутого ответа на эти вопросы мы не найдем, если не считать нескольких строк в статьях «Мировоззрение Лукреция» (стр. 115) и «Время Лукреция» (стр. 274). Здесь придется остановиться на борьбе Цицерона против эпикуреизма с идеалистических позиций новоакадемической школы, на судьбе Лукреция и вообще эпикуреизма в императорскую

[1] См. [illegible] статьи ВДИ, 1948, № 2 и 1949, № 1.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

эпоху, на борьбе эпикуреизма со стоицизмом, на вхождении его элементов в эклектическую философию Секстия, в философию Сенеки и т. д.

Далее, какова связь поэмы Лукреция с предшествующими греческими дидактическими поэмами Περὶ φύσεως («О природе»)? Акад. И. И. Толстой в своей статье в той же книге отмечает лишь стиховую традиционную форму в виде гекзаметра, унаследованную Лукрецием от его предшественников (стр. 143). Между тем самые художественные поэтические элементы, которые довел до такого совершенства Лукреций, связаны не только с некоторой художественностью изложения Демокрита, но и с поэмами Парменида и Эмпедокла. Правда, Аристотель говорит, что Эмпедокла справедливо называть «скорее натуралистом, чем поэтом» (φυσιολόγον μᾶλλον ἢ ποιητήν, Поэтика, гл. 1), однако, как нам сообщает Диоген Лаэртский (VIII, 3), Аристотель все же считал его склонным к метафорам и к использованию других поэтических приемов.

Действительно, у Эмпедокла мы видим развернутое сравнение с тенденцией на поэтичность (поэтические эпитеты, см. например, сравнение дыхания человека с водяными часами). Поэма Парменида Περὶ φύσεως открывается картинным вступлением: поэт-философ несется на конях в колеснице; ее колеса «кружат Гелиады-девы, ночи покинув чертог»; поэт несется к вратам богини «Правды» (Δίκη), которая обращается к нему с речью и т. д.[1]

Помимо связи с предшествующими философскими поэмами, желательно было бы показать связь Лукреция и с его римским литературным окружением; ведь жанр дидактической поэзии был очень распространен в Риме в I в. до н. э. Кстати сказать, если Меммий, к которому обращается Лукреций, без сомнения реальное лицо, то самое обращение к определенному лицу является вместе с тем и литературным приемом дидактического жанра. Этот прием укоренился уже в дидактической литературе древнего Египта [2] и затем проходит в античной литературе, начиная от Гесиода (Феогнид, александрийцы, Катон) и кончая «Посланием к Пизонам» Горация.

Можно углубить связь Лукреция и с римским александринизмом, которая обнаруживается не только в зависимости его описаний от памятников изобразительного искусства [3], но и, например, в этиологическом толковании (выяснении причин) мифа о фригийской Великой Матери (II, 604—607; 640). Такие этиологические толкования в александрийском духе мы позднее встречаем, как известно, у Проперция и Овидия.

Остается почти незатронутым и вопрос об ораторстве Лукреция. Американские издатели Лукреция Леонард и Смит [4] рассматривают «реторические элементы» стиля Лукреция, но лишь с формальной стороны: они указывают на его «непоэтическую лексику» и конструкцию предложений и даже относят к реторическим элементам многочисленные аллитерации в поэме, которые у Лукреция являются прежде всего нарочитыми народными и архаическими элементами его языка, а не реторическим украшением. Новейший английский издатель Лукреция Baily (т. I—III, Oxford, 1947) лишь формально говорит о реторическом повторении слов (т. I, стр. 156).

Лукреций пропагандирует материалистическую философию Эпикура со всей страстностью и патетичностью; его задача доказать свои положения и всеми средствами убедить Меммия, а за ним всех римских читателей в истинности эпикурейского учения, завлечь, заинтересовать читателя, а для этого Лукреций не только поэтизирует сухой философский материал, но проявляет и чисто ораторское мастерство. Лукреций призывает Меммия внимательно отнестись к тому, о чем будет итти речь: «ты напряги свой слух и прозорливый ум, чтобы внимать истинному учению» (I, 50 сл.); «теперь узнай, что остается и повнимательней слушай» (I, 921); «ты не забывай быть внимательным к моим словам» (tu te dictis praebere memento, II, 66); «ты усвой сказанное» (IV, 880); «предоставь мне тонкий слух и ум

[1] См. Diels, Parmenides Lehrgedicht, 1897.

[2] См. Н. П. Гуля, Дидактическая афористика древнего Египта, Л., 1941.

[3] См. статью И. И. Толстого в ук. изд. Лукреция, стр. 159—161.

[4] T. Lucreti Cari, De rerum natura libri sex, Madison, 1942, стр. 166—186.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

прозорливый» (IV, 912); «тем более я прошу, ты напряги свой слух и внимание» (VI, 920). Такой призыв к вниманию Лукреций везде помещает в предварительном вступлении к какой-нибудь новой теме [1]. А в теории ораторского искусства, уже в ранней римской «Реторике к Гереннию» (Rhet. ad Heren.), давно было зафиксировано, что оратор, особенно во вступлении речи, должен возбудить внимание, сделать судью внимательным (Rhet. ad Her. I, 4, 6 сл.: attentos habebimus,... si rogabimus, ut attente audiant). Но в ряде своих больших и малых вступлений Лукреций старается привлечь внимание к своему учению и тем, что называет предмет своего рассуждения «новым», «великим», «необычным». Он собирается рассуждать «о высшей сущности небес» (de summa caeli ratione, I, 54); он проходит по «бездорожным местам Пиэрид» (avia loca), по которым ранее не ступала ничья нога; ему приятно припасть к чистым источникам (integros fontes), «срывать новые цветы (novos flores)» и увенчать свою голову составленным из них венком, каким еще никому не венчали голову Музы, так как он трактует «о великих вещах» (magnis de rebus) (I, 926—931; = IV, 1—6); он призывает Меммия быть внимательным, потому что новый предмет (nova res) «сильно стремится достигнуть его слуха»; мироздание предстанет пред ним в новом виде (nova species) (II, 1022—25); поэт восхваляет величие своих открытий (rerum maiestas) (V, 1 сл.), он преподносит необычный предмет (insolitam rem) (V, 100). И в римской реторике было отмечено, что, особенно во вступлениях речей, мы тогда привлечем внимание слушателей и поразим их воображение, если обещаем говорить «о вещах великих (важных), новых, необычных» (Rhet. ad Heren., I, 4, 7; si pollicemur nos de rebus magnis, novis, inusitatis verba facturos). В этом ораторском приеме поразить читателя или слушателя прелестью новизны, необычностью явления или предмета Лукреций — предшественник тонкого ораторского мастерства Вергилия, который искусно применяет его, например, во второй песне Энеиды, где поражает читателя все более новыми и неожиданными картинами. Далее реторика учила, что во вступлении оратор должен разъяснить суть дела и расположить к себе судей, сделать судью расположенным (benevolum) и сведущим (docilem) и что это особенно важно тогда, когда судьи настроены не в пользу оратора. Всегда, предварительно разъясняя сущность предмета, о котором он будет говорить, Лукреций понимает и то, что его учение слишком радикально и неожиданно, что «толпа чуждается его» (V, 945; vulgus abhorret ab hoc); ведь он разрушает суеверия, укоренившуюся в римском обществе веру в загробную жизнь; восстает против такого государственного учреждения, каким была в Риме религия. Поэтому в своих вступлениях он всячески старается предварительно расположить к себе читателя. Он превозносит Меммия «как украшенного всеми дарами благой Венеры» (I, 26 сл.), он хвалит его доблесть (virtus) и наслаждается его дружбой (I, 140, сл.); чтобы смягчить впечатление новизны своего учения, в своих вступлениях Лукреций говорит, что он вовсе не отрицает существования богов. Может быть, эту цель имеет и традиционное обращение к богине Венере в начале I книги поэмы, описание обителей богов во вступлении к III-й книге (ст. 18—24) и признание Эпикура богом (V, 8), который вещал много и о бессмертных богах (V, 53). Лукреций таким образом старается придать всей доктрине характер какого-то божественного откровения (III, 14; V, 54). Таким путем Лукреций хочет расположить к себе и подготовить своего суеверного читателя к восприятию эпикурейского материализма. В одном месте (VI, 919) Лукреций говорит, что к его учению иногда «приходится подходить слишком длинными обходами» (nimium longis ambagibus). Все это опять совпадает с искусным подходом оратора, прибегающего к реторической «инсинуации» для убеждения и расположения к себе слушателей (см. Rhet. ad Heren., I, 7, 11). Вся система доказательств обнаруживает также ораторское мастерство Лукреция. Он строго расчленяет доказательства, намечая всегда темы рассуждения (propositiones)[2], старается исчерпать все аргументы (см. особенно в III книге), опровергнуть возможные возражения (occupationes), иногда переходя в стиль диатрибы. Особенно это видно в I книге,

[1] Например, I, 951—957; II, 62—66, 142 сл., 333—335; V, 55 сл. и т. д.

[2] Ср. I, 50—61; I, 921—950; II, 62—66; IV, 877—880, 907—915; VI, 917—920.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

где после доказательств наличия материи и пустоты, а также свойств атомов опровергаются философские системы Гераклита, Эмпедокла и Анаксагора. Лукреций заботится об эффектной концовке в аргументации (например, такую функцию, несомненно, имеет поэтическая картина в конце рассуждения, рисующая трансформацию материи, I, 50—264); иногда к концу приберегается изысканная аллитерированная сентенция (например, VI, 1237: cumulabat funere funus; 1251: temptaret tempore tali), хотя в то же время Лукреций высмеивает «ласкающую ухо, изящно звучащую фразу» Гераклита (I, 643 сл.). Доказательства путем наглядных аналогий также были впоследствии зафиксированы реторикой (παραβολαί, similitudines); они попали позднее даже в реторические начальные упражнения — «прогимнасмы» и впоследствии употреблялись Овидием, учеником ораторской школы. Далее для большего эмоционального воздействия на читателя Лукреций прибегает к «амплификации»— преувеличению, усилению, сгущению красок. Это особенно видно, например, в описании эпидемии в VI книге из сравнения с эпически спокойным описанием Фукидида. Описание Лукреция более патетично и эмоционально, чем у Фукидида. Он дополняет некоторые детали, чтобы усилить отталкивающую картину ужасной заразной болезни. Нужно заметить, что такое наглядное детальное описание эпидемии также позднее вошло в систему реторических упражнений (λοιμοῦ ἔκφρασις). Вообще аргументация Лукреция часто эмоциональна, патетична, и в этом сказалось его ораторское мастерство. Недаром Квинтилиан, признавая трудность Лукреция, все же рекомендовал его читать оратору, называя его «изящным» (elegans, Inst. or., X, 1, 87).

Ораторские приемы Лукреция прежде всего объясняются временем написания его поэмы, они тесно связаны с его бурной эпохой. Благодаря остроте современной Лукрецию классовой борьбы, красноречие быстро развивалось, приобретая все более страстный, патетический характер. На этой почве расцветал ораторский талант Цицерона, с которым Лукреций, вероятно, был знаком, если действительно Цицерон издал его поэму. Уже появились первые римские реторики: так называемая «Реторика к Гереннию» и ранняя реторика Цицерона (de inventione). Мы не знаем достоверной биографии Лукреция; может быть, его ораторское искусство объясняется влиянием реторической школы, которую он прошел. Во всяком случае, ораторские приемы начинают проникать в разные виды литературы этого времени, причем если поэты прибегают к приемам оратора, то и ораторы усваивают приемы поэтов; так, например, если у Лукреция мы находим известное олицетворение природы (III, 931—971), то и Цицерон олицетворяет образ отечества (Catilin., VII, 17; VIII, 19) и т. д.

Реторика Лукреция была вызвана самым характером его поэмы и питалась той страстностью, с которой он убеждает читателя в истинности своего учения. Вопрос об ораторских приемах Лукреция соприкасается с общей проблемой его изучения — с проблемой поэтики и стиля Лукреция вообще, куда войдет и изучение его языка, функции его архаизмов, неологизмов и народных элементов. Все это должно изучаться не формально, а в связи с содержанием поэмы и мировоззрением поэта-философа.

Проф. Н. Ф. Дератани

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ